УДК 343.3

Международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности: современное состояние и перспективы развития

Антон Альбертович Цветков
Международный юридический институт, Москва, Россия, A.A.2015doc@yandex.ru

Аннотация. Исследуются международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности как одной из наиболее серьезных угроз безопасности государств и международного сообщества в целом. Анализируются универсальные и региональные международные договоры, содержащие обязательства государств по криминализации диверсионных актов, а также деятельность международных организаций в сфере координации усилий по противодействию диверсиям. Рассматриваются проблемы имплементации международных норм в национальное законодательство, вопросы гармонизации подходов к определению диверсии и смежных составов преступлений. На основе проведенного исследования формулируются выводы о необходимости дальнейшего совершенствования международно-правового регулирования в данной сфере и предложения по его развитию.

Ключевые слова: диверсионная деятельность, международное сотрудничество, противодействие преступности, международные договоры, гармонизация законодательства, национальная безопасность, имплементация, транснациональные угрозы

Для цитирования: Цветков А.А. Международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности: современное состояние и перспективы развития // Правда и закон. 2026. № 1(35). С. 97–103.

International legal framework for countering sabotage activities: current status and development prospects

Anton A. Tsvetkov
International law institute, Moscow, Russia, A.A.2015doc@yandex.ru

Abstract. Examines the international legal framework for countering sabotage as one of the most serious threats to the security of states and the international community as a whole. It analyzes universal and regional international treaties that contain state obligations to criminalize acts of sabotage, as well as the activities of international organizations in coordinating efforts to counter sabotage. It examines the implementation of international norms in national legislation and the harmonization of approaches to defining sabotage and related crimes. Based on the research, conclusions are drawn regarding the need for further improvement of international legal regulation in this area and proposals for its further development.

Keywords: sabotage activities, international cooperation, combating crime, international treaties, harmonization of legislation, national security, implementation, transnational threats

For citation: Tsvetkov A.A. International legal framework for countering sabotage activities: current status and development prospects // Truth and law. 2026. № 1(35). P. 97–103.

Диверсионная деятельность в современном мире приобретает все более изощренные формы и масштабы, представляя собой реальную угрозу безопасности государств и международного сообщества в целом. В условиях глобализации,

© Цветков А.А., 2026

развития информационных технологий и появления новых способов ведения гибридных войн [1] диверсии перестали быть исключительно внутригосударственной проблемой, трансформировавшись в вызов, требующий согласованных международных усилий.

Как отмечается в современных научных исследованиях, преступления диверсионной направленности относятся к числу наиболее опасных посягательств на основы конституционного строя и безопасности государства [2]. Очевиден процесс изменения отечественного уголовно-правового подхода к оценке преступности и наказуемости деяний в сфере обеспечения внутренней и внешней безопасности Российской Федерации. Сформированный сегодня институт противодействия преступлениям диверсионной направленности является наиболее ярким тому подтверждением [3].

Актуальность исследования международных основ противодействия диверсионной деятельности обусловлена рядом факторов: транснациональным характером современных диверсионных угроз, необходимостью гармонизации национальных законодательств для эффективного взаимодействия правоохранительных органов разных стран, появлением новых форм диверсий (кибердиверсии, биодиверсии), участившимися случаями использования диверсионных методов в гибридных конфликтах, потребностью в совершенствовании международно-правовых механизмов предупреждения и пресечения диверсионной деятельности.

Цель исследования состоит в комплексном анализе международно-правовых основ противодействия диверсионной деятельности, выявлении проблем и перспектив их развития. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: анализ понятийного аппарата и терминологических сложностей в международном праве; исследование универсальных и региональных международных договоров, направленных на противодействие диверсиям; рассмотрение деятельности международных организаций в данной сфере; сравнительный анализ подходов к криминализации диверсионной деятельности в различных правовых системах; выявление проблем имплементации международных норм и формулирование предложений по совершенствованию международно-правового регулирования.

В международном праве отсутствует единое унифицированное понятие диверсионной деятельности, что создает определенные сложности как для теоретических разработок, так и для практического международного сотрудничества. Действующие международные документы и национальные правовые системы используют разные термины: «диверсия», «саботаж», «подрывная деятельность», «акты вмешательства», «враждебные акты» и др.

Важной проблемой международно-правового регулирования является разграничение диверсионной деятельности со смежными составами преступлений, прежде всего, террористическими деяниями. В ряде международных актов эти понятия пересекаются или даже отождествляются, что создает трудности для сотрудничества.

В международном праве диверсия традиционно рассматривается как деяние, направленное на подрыв экономической безопасности и обороноспособности государства, тогда как терроризм акцентирован на устрашении населения и воздействии на принятие решений органами власти. Однако в современной практике эти формы противоправной деятельности все чаще переплетаются, что требует комплексного подхода к противодействию.

Организация Объединенных Наций (ООН) играет ключевую роль в формировании универсальных международно-правовых основ противодействия различным угрозам безопасности, включая диверсионную деятельность. Хотя специальной конвенции, посвященной исключительно диверсиям, не существует, ряд

международных договоров, разработанных под эгидой ООН, содержит положения, имеющие непосредственное отношение к противодействию диверсионным актам.

Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г.[1] устанавливает ответственность за незаконное и преднамеренное использование взрывных устройств в местах общественного пользования с целью причинения смерти или серьезных телесных повреждений либо значительных разрушений. Данные деяния по своим объективным признакам во многом совпадают с традиционными способами совершения диверсий (взрывы, поджоги).

Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок 1980 г.[2] направлена на предотвращение несанкционированного доступа к ядерным материалам и их диверсии. Статья 7 данной Конвенции обязывает государства-участников установить уголовную ответственность за ряд деяний, включая acts of sabotage (акты саботажа/диверсии) в отношении ядерных установок.

Особого внимания заслуживает Договор о торговле оружием (далее – Договор), принятый Генеральной Ассамблеей ООН 2 апреля 2013 г.[3] Хотя данный договор непосредственно не касается диверсионной деятельности в уголовно-правовом смысле, он содержит важный механизм предотвращения диверсии (diversion) вооружений – их незаконного перенаправления от санкционированного получателя к несанкционированному.

Как отмечается в докладе Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, государства–участники Договора о торговле оружием сделали значительный шаг в направлении предотвращения диверсии вооружений. Статья 11 Договора фокусируется на предотвращении диверсии и устанавливает ряд мер для достижения этой цели[4].

Статья 11(2) Договора обязывает государства-участники принимать меры для предотвращения диверсии обычных вооружений путем использования национальной системы контроля. Хотя Договор не уточняет, как должны быть организованы такие системы, он подразумевает, что эффективная национальная система контроля должна требовать от любого лица или организации получения разрешения от контрольного органа перед передачей предметов, включенных в национальный контрольный список[5].

Важно подчеркнуть, что предотвращение диверсии вооружений имеет прямое отношение к противодействию диверсионной деятельности, поскольку именно несанкционированное распространение оружия создает материальную базу для совершения диверсионных актов. В этом смысле Договор о торговле оружием формирует важный превентивный механизм, дополняющий уголовно-правовые средства борьбы с диверсиями.

Исследователи отмечают, что ключевым приоритетом международного сотрудничества и помощи во взятой для исследования области должно стать усиление безопасности и управления запасами оружия [4].

На региональном уровне наиболее значительные успехи в формировании согласованных подходов к противодействию диверсионной деятельности достигнуты в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ). Государства – участники СНГ, имеющие общее историческое прошлое и во многом схожие правовые системы,

[1] Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (принята резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 дек. 1997 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 35. Ст. 3513.

[2] Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок (Вена – Нью-Йорк, 3 марта 1980 г.) // Сборник международных договоров СССР. М., 1989. Вып. XLIII. С. 105–116.

[3] Договор о торговле оружием // Организация Объединенных Наций. 2013. URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/att (дата обращения: 14.02.2026).

[4] Impact of arms transfers on human rights: Report of the United Nations High Commissioner for Human Rights. UN Doc. A/HRC/44/29. P. 11, para. 31.

[5] Там же.

создали разветвленную договорную базу сотрудничества в борьбе с преступностью, включая преступления против безопасности государства.

Модельный уголовный кодекс для государств – участников СНГ, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ 17 февраля 1996 г.[6], содержит рекомендательные нормы об ответственности за диверсию. Статья 290 указанного кодекса определяет диверсию как совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на массовое уничтожение людей, причинение телесных повреждений или иного вреда их здоровью, разрушение или повреждение предприятий, сооружений, путей и средств сообщения, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности государства.

Как отмечает Е.А. Игнатенко в своем исследовании, во всех уголовных кодексах государств СНГ родовой и видовой объекты, поставленные под охрану от совершения диверсии, совпадают. Диверсия позиционируется в качестве преступления против государственной власти (государства), что выступает родовым объектом данного преступления. Видовым объектом являются общественные отношения в области защиты основ конституционного строя и безопасности государства [3].

Анализ законодательства стран СНГ позволяет выявить общие подходы и особенности криминализации диверсионной деятельности. Например, в Уголовном кодексе Республики Беларусь диверсия определена в ст. 360[7], в Уголовном кодексе Республики Казахстан – в ст. 184[8], в Уголовном кодексе Кыргызской Республики – в ст. 325[9]. Во всех этих нормах сохраняется преемственность с советским уголовным законодательством, но присутствуют и определенные особенности, отражающие национальную специфику.

Отечественный законодатель, как и законодатели большинства государств СНГ, не предусматривает в ст. 281 Уголовного кодекса Российской Федерации[10] (УК РФ) специального основания освобождения от уголовной ответственности за диверсию. Подобное основание содержится в примечании к ст. 281.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за содействие диверсионной деятельности, в примечании к ст. 281.2 УК РФ для лиц, отказавшихся от прохождения обучения в целях осуществления диверсионной деятельности, и в примечании к ст. 281.3 УК РФ для лиц, отказавшихся от участия в диверсионном сообществе.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) играет все более важную роль в формировании региональной системы противодействия транснациональным угрозам, включая диверсионную деятельность. В рамках ШОС принят ряд документов, направленных на координацию усилий государств-членов в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которые тесно связаны с противодействием диверсиям.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.[11] заложила правовые основы взаимодействия компетентных органов

---

[6] Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств (принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 17 февр. 1996 г.) // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10. С. 3–186.

[7] Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 14.02.2026).

[8] Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 14.02.2026).

[9] Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: https://prg.kz/document/?doc_id=36675065&pos=389;12 (дата обращения: 14.02.2026).

[10] Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28 дек. 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[11] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 41. Ст. 3947.

государств-членов. Хотя диверсия прямо не упоминается в конвенции, она подпадает под определение терроризма, содержащее указание на деяния, подпадающие под международные антитеррористические конвенции.

В рамках Совета Европы и Европейского Союза также сформированы определенные механизмы противодействия диверсионной деятельности, хотя они менее системны по сравнению с имеющимися на постсоветском пространстве.

Например, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.[12] и Дополнительный протокол[13] к ней 2015 г. содержат положения о криминализации публичного призыва к совершению террористических преступлений, вербовки и подготовки террористов, что может быть распространено и на диверсионную деятельность.

Современные тенденции развития диверсионной деятельности требуют адекватного международно-правового реагирования. Особую актуальность приобретают вопросы противодействия кибердиверсиям, биодиверсиям, использованию новых технологий в диверсионных целях.

В научной литературе поднимается вопрос о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия», отмечается необходимость их четкого разграничения и выработки международно-правовых механизмов противодействия [5]. При этом стремительное реформирование уголовно-правового пространства в этой области не может не вызывать определенных опасений, связанных с качеством и полнотой содержания новых норм [3]. Поэтому перспективным направлением в развитии взятого для исследования сектора правового регулирования будет являться разработка универсального международного договора, специально посвященного противодействию диверсионной деятельности, обязательно включающего в себя специальный терминологический инструментарий и унифицированные механизмы реагирования на диверсионные угрозы.

Наряду с многосторонними механизмами важную роль в противодействии диверсионной деятельности играют двусторонние соглашения о сотрудничестве в борьбе с преступностью, заключаемые Российской Федерацией с зарубежными странами. Такие соглашения позволяют учитывать специфику отношений с конкретным государством и обеспечивать более эффективное взаимодействие правоохранительных органов, что также дальше может быть реализовано в борьбе с диверсионной преступностью.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что международно-правовые основы противодействия диверсионной деятельности представляют собой сложную, многоуровневую систему, включающую универсальные и региональные договоры, деятельность международных организаций, а также двусторонние соглашения государств.

На универсальном уровне ведущую роль играют конвенции ООН, направленные на борьбу с терроризмом и обеспечение физической защиты опасных материалов. Важное значение имеет Договор о торговле оружием 2013 г., устанавливающий механизмы предотвращения диверсии (незаконного перенаправления) вооружений.

Наиболее продвинутая региональная система противодействия диверсионной деятельности сформирована в рамках СНГ, где принят Модельный уголовный кодекс и осуществляется постоянная гармонизация национальных законодательств. ШОС также вносит значительный вклад в координацию усилий государств-членов по противодействию транснациональным угрозам, включая диверсионные проявления.

Вместе с тем сохраняется ряд проблем, требующих дальнейшего решения: отсутствие универсального определения диверсионной деятельности, различия

[12] Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 20. Ст. 2393.

[13] Дополнительный протокол к Конвенции Совета Европа о предупреждении терроризма ETSN № 217 (Рига, 22 окт. 2015 г.) // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

в подходах к криминализации диверсионных актов в разных правовых системах, сложности разграничения диверсии и смежных составов преступлений, недостаточная эффективность механизмов международного информационного обмена и совместных расследований.

Перспективными направлениями развития международно-правового регулирования в данной сфере представляются: разработка специализированного международного договора о противодействии диверсионной деятельности, расширение сотрудничества в рамках региональных организаций, унификация понятийного аппарата и признаков составов преступлений, совершенствование механизмов обмена информацией и передовым опытом, развитие программ подготовки кадров для правоохранительных органов.

Список источников

1. Петрянин А.В., Богомолов С.Ю., Неганов Д.А. Гибридная война как современный, деструктивный феномен // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19. № 2. С. 300–308.

2. Пикина Т.В. Преступления, связанные с осуществлением диверсионной деятельности: основные направления уголовной политики противодействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар: КубГУ, 2025. С. 3.

3. Игнатенко Е.А. Компаративистский анализ ответственности за преступления диверсионной направленности по законодательству стран СНГ // КриминалистЪ. 2024. № 4(49). С. 15.

4. Marsh N. Preventing Diversion: A Challenge for Arms Trade Treaty States Parties // History of Global Arms Transfer. 2019. Vol. 8. P. 56–57.

5. Пухов А.А. К вопросу о понятиях «биотерроризм» и «биодиверсия» // Социология уголовного права и реформирование уголовного законодательства: сб. статей материалов IV Междунар. науч.-практ. конф. М., 2018. С. 208.

References

1. Petryanin A.V., Bogomolov S.Yu., Neganov D.A. Gibridnaya vojna kak sovremennyj, destruktivnyj fenomen // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2024. T. 19. № 2. S. 300–308.

2. Pikina T.V. Prestupleniya, svyazannye s osushchestvleniem diversionnoj deyatel'nosti: osnovnye napravleniya ugolovnoj politiki protivodejstviya: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar: KubGU, 2025. S. 3.

3. Ignatenko E.A. Komparativistskij analiz otvetstvennosti za prestupleniya diversionnoj napravlennosti po zakonodatel'stvu stran SNG // Kriminalist". 2024. № 4(49). S. 15.

4. Marsh N. Preventing Diversion: A Challenge for Arms Trade Treaty States Parties // History of Global Arms Transfer. 2019. Vol. 8. P. 56–57.

5. Puhov A.A. K voprosu o ponyatiyah «bioterrorizm» i «biodiversiya» // Sociologiya ugolovnogo prava i reformirovanie ugolovnogo zakonodatel'stva: sb. statej materialov IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2018. S. 208.

Статья поступила в редакцию 11.01.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 18.02.2026.
The article was submitted 11.01.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 18.02.2026.

Информация об авторе
А.А. Цветков – аспирант Международного юридического института (Россия, 127427, г. Москва, ул. Кашенкин луг, 4).

Information about the author
A.A. Tsvetkov – postgraduate student at the International Law Institute (Russia, 127427, Moscow, Kashenkin meadow St., 4).